

А.А. Смирнов

Значение романтической поэзии А.В. Кольцова для русской литературы

Аннотация: Статья рассматривает проблему своеобразия романтической поэзии Кольцова.

Ключевые слова: Кольцов, русская поэзия, романтические традиции в лирике

Abstract: The article under consideration deals with the problem of connection with the Russian Romantic Poetry of the XIX century. The analysis of the system of tradition reveals specific features in forms of the Russian Romantic Poetry of the XIX century.

Key words: Koltzof, the Russian Romantic Poetry, tradition of the Lyric

В стихотворении А.В. Кольцова «Две жизни» воссозданы как бы два полюса его мировоззрения. Первое место занимают мысли и чувства, навеянные идеями Станкевича и Белинского:

Две жизни в мире есть.
Одна светла, горит она, как солнце;
В ее очах небесный тихий день;
В сиянии – святая мысль и чувство;
Ее живая сила так роскошно
Звучит свободной и разумной речью.
И это – жизнь земного духа;
Долга она – как Божья вечность...¹(С. 110)

Это тяготение поэта к духовной жизни связано с умственной деятельностью, что нашло отражение в жанре «дум», и оно противостоит жизни «земного праха», которая требует иных чувств и красок для изображения:

Другая жизнь темна;
В ее очах – земная грусть и ночь;

¹ Кольцов А.В. Соч. Л., 1984. Здесь и далее в скобках после цитат указываются страницы по этому изданию.

И спит она сном крепким и мятежным,
Таится мысль в ее цветистых формах,
Но не звучит свободной речью:
Наклоннее во тьме она к молчанью. (С. 111)

Разлад между жаждой возвышенных стремлений и реальностью пронизывает все содержание «русских песен» Кольцова. Такой характер носит его стихотворение «Вторая песнь Лихача Кудрявича»:

В золотое время
Хмелем кудри вьются;
С горести – печали
Русые секутся.
Ах, секутся кудри!
Любит их забота...
Не родись талантлив:
Родись терпеливым
И на все готовым.
От {беда} – напасти
Не уйти на лыжах;
В чистом поле найдет,
В темном поле сыщет.
И щемит, и ноет,
Болят ретивое;
Все – из рук вон плохо,
Нет ни в чем удачи. (С. 110–111)

Нередко Кольцова охватывало бодрое настроение; это были те моменты, когда ему казались разрешимыми все сложные проблемы бытия, и он приближался к тем сторонам жизни «духа», которые вызывали в его творчестве гимны русской природе:

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.
Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.
Молодец удалый
Соловьем засвищет!
Без пути, без света
Свою долю сыщет. (С. 119)

Центральным стихотворением, в котором отразились основные противоречия поэта, можно считать текст «Пути», где поэт сетует на отсутствие силы воли:

Путь широкий давно
Предо мною лежит;
Да нельзя мне по нем
Ни летать, не ходить...
Да на путь – по душе –
Крепкой воли мне нет,
Чтоб в чужой стороне
На людей поглядеть,
Чтоб порой пред бедой
За себя постоять,
Под грозой роковой
Назад шагу не дать. (С. 126–127)

Та же мысль пронизывает самые совершенные его строки –

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.
Пора золотая
Была да сокрылась;
Сила молодая
С телом изнасилась.
Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою, –
С горем повстречаюсь! (С. 97–98)

Большинство тем стихотворений поэта перекликается с его перепиской с Белинским, которому в ноябре 1839 г. он пишет: «Жизнь деловая, материальная требует всего меня, я ее обманываю. Жизнь, на служение которой хотел бы посвятить себя всего, напрасно призывает в свой тесный угол: демон материализма не пускает. И так проходят дни, месяцы, годы, и золото время гублю, на что попало» (С. 231). Из глубины личности Кольцова исходил мотив тоски по воле, которой лишена душа поэта:

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой! (С. 144)

Очень важно осознать, что Кольцов достигает такой силы в изображении общечеловеческих переживаний, которые дали ему возможность стать одним из корифеев не только русской, но и мировой истории литературы. Кольцов ставит перед собой ту же задачу, что Бернс и Лонгфелло, – раскрыть внутреннее богатство нежной души простых людей, как бы забытых жизнью. Если Гоголь рисует картину жизни уездных помещиков и городских чиновников, то Кольцов не менее полномерно и глубоко вникает в голоса простых жителей села, впервые раскрыв обаяние русского простора, который так явственно прозвучит в поэзии Некрасова. На фоне этого простора ярко раскрывается скромное самопожертвование девушки, у которой радостное чувство любви «на душе огнем горит / А нет силы слов души открыть». Женское сердце не может успокоиться и несет всю полноту ответственности за страшные события «Ночи». Любовь вызывает огонь, который в свою очередь переходит в пожар души, – эта максима чувствуется и в драматической «Не шуми ты, рожь, спелым колосом», и в тоскливой «Ты не пой, соловей, под моим окном», и в тяжелой грусти «Молодой жницы», и в отчаянии юноши в стихотворении «Деревенская беда», у которого отнята всякая надежда на счастье: «По чужим углам скитаюся, / За дневной кусок работаю, / Кровым потом умываюся!» (С. 117) Его скорбь напоминает горькую долю несчастных горемык Григоровича:

Куда умом не кинуся –
Мои мысли врозь расходятся,
Без следа вдали теряются,
Черной тучей покрываются.
Погубить себя? – не хочется!
Разойтись? – нету волюшки!
Обмануть, своею бедностью
Красоту сгубить? – жаль до смерти! (С. 145–146)

Скорбь и страдания охватывают мир лирических персонажей в стихотворениях «Доля бедняка», «Путь», «Горькая доля», «Разлука», «Говорил мне друг прощаючись», «Расчет с жизнью», «Перепутье», наполненных контрастными чувствами, которые позднее будут характерными чертами некрасовской поэзии. Как и Пушкина, Кольцова тревожит то «разгулье удалое», то «сердечная тоска». Герой Кольцова не только терпелив, готов перенести удары судьбы, но может и противостоять всем невзгодам:

И чтоб с горем в пиру
Быть с веселым лицом;
На погибель идти –
Песни петь соловьем! (С. 127)

Именно по этому пути последует муза скорби и печали Некрасова, уныние Никитина, гнетущие картины жизни крестьянина у Глеба Успенского.

Белинский отмечал, что Кольцов «носил в себе элементы русского духа, в особенности – страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали и веселию и, вместо того, чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое-то буйное, удалое, размахистое упоение»¹.

В поэзии Пушкина и лирических пассажах Гоголя трудно найти те новые источники природного вдохновения, которые открыл Кольцов. Только Лермонтов в стихотворении «Люблю отчизну я...» усмотрел в «дрожащих огнях печальный деревень», в «избе, покрытую соломой», в «пляске с топаньем и свистом» новые эстетические возможности русской поэзии.

От образов Лермонтова и Кольцова существует прямой переход к пейзажам и образам «Записок охотника» Тургенева. Кольцовским лиризмом охвачены такие образы Тургенева, как Хорь и Калиныч, Лукерья и Бирюк, дети в «Бежином Луге». Как поэт исконно русского патриархального быта, Кольцов – несравненный певец и родной природы. Лермонтовское «степей безмолвное молчанье», «лесов безбрежных колыханье», «разливы рек, подобные морям» глубоко прочувствованы Кольцовым. Образам русской природы Кольцов придает предельно простую пластику: солнце, глядящее на землю с небес, поле, покрытое ночным туманом, одинокие и тихие могилы, золотистая рожь, крещенские морозы, зима, похожая на старушку в теплой шубе. Особенно любима Кольцовым русская степь, чье приволье так полно и глубоко обрисовано в стихотворениях «Песнь пахаря», «Косарь», «Урожай». В изображении степей у него нет кричащих красок Гоголя, контрастов «Крымских сонетов» Мицкевича, таинственной заманчивости А.К. Толстого, многоплановости Чехова. Природа и деревня у Кольцова неразрывны, связаны вечными узами своеобразной идиллии, – земля как бы навеки хранит в своих недрах настоящее и будущее богатство сельского жителя.

Кольцов впервые в русской поэзии воспел великую роль труда крестьянина, о чем проникновенно сказал Г.И. Успенский: «...мужик, изображаемый Кольцовым, хотя и влачится по браздам, хоть и босиком плетется за клячей, находит возможным говорить этой кляче такие речи: «Весело на пашне, я сам друг с тобою, слуга и хозяин. – Весело я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерна насыпаю... Ну, тащися, сивка!.. Пашенку мы рано с сивкою распашем, зернышку сготовим колыбель святую; его вспоит, вскормит мать-земля сырая... Выйдет в поле травка, вырастет и колос, станет спеть, рядится в золотые ткани. Сколько тут разлито радости, любви, внимания»².

Естественно, что эта вечная и нерушимая связь имеет своим истоком народную душу, образы былин, песен. На этой связи основан у Кольцова стоицизм в восприятии судьбы селянина, для которого труд и природа всегда идут рука об руку. Поэзия Кольцова приходит на память, когда мы открыва-

¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1982. С. 112.

² Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 7. М.; Л., 1950. С. 36–37.

ем романы Гончарова, в которых медленно совершается годовой круг событий, как будто мы находимся в заколдованном пространстве. Хотя у Кольцова нет широких полотен русской природы, нет и поэмы, связанной с изображением народного быта. Его народность предстает во всей полноте своей значимости для русской литературы. М.Е. Салтыков-Щедрин отметил важнейшие черты народного характера, которые отразились в фольклоре и поэзии Кольцова: «Кольцов велик именно тем глубоким постижением всех мельчайших подробностей русского простонародного быта, тою симпатией к его инстинктам и стремлениям, которыми пропитаны все лучшие его стихотворения. В этом отношении русская литература не представляет личности, равной ему: он первый обратился к русской жизни прямо, с взором, не отуманенным никакими посторонними чувствами. Он обогатил наш поэтический язык, узаконив в нем простую русскую речь, и в этом смысле он является в истории нашей литературы продолжателем Пушкина и Гоголя и должен быть поставлен близко к ним, как поэт, придавший нашей поэзии энергию оригинальных поэтических образов. Весь ряд современных писателей, посвятивших разработке явлений русской жизни, есть ряд продолжателей дела Кольцова»¹.

Поэзия Кольцова разошлась широкими литературными кругами, внеся в литературу глубоко прочувствованную идею народности. Он воспел глубокое уважение к труду народа, его благоговейное отношение к природе. Скорбя о печальной народной доле, он отразил ту особенность народного сознания, которое еще в народной песне звучало как чувство тоски по воле и свободе.

Литература

Кольцов А.В. Статьи и материалы. Воронеж, 1960.

Кольцов А.В. Страницы жизни и творчества. Воронеж, 1984.

Кольцов А.В. и русская литература. М., 1988.

Кузнецов В. Нетленные строки. Воронеж, 1984.

Стенник Ю.В. Кольцов // Литература и фольклор. Л., 1976.

Schalfiev P. Die volkstümliche Dichtung Kolcow's und die russische Volkslyrik. Berlin, 1910.

Сведения об авторе:
Александр Андреевич Смирнов,
докт. филол. наук
профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова

---

¹ *Н. Щедрин (М.Е. Салтыков).* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 5. М., 1937. С. 37–38.

филологический факультет
Тел. +7 (495) 670-36-77

Alexander Smirnov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a41smirn@yandex.ru